КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Января **№ 1.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 12-го декабря 1877 года.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ—12 декабря 1777 г. у наслѣдника россійскаго престола вел. кн. Павла Петровича и у супруги его Маріи Ѳеодоровны родился первенецъ Александръ. Событіе это чрезвычайно обрадовало какъ царствующую императрицу Екатерину великую, такъ и всю Россію, въ которой со временъ Петра вел. порвалась прямая нисходящая линія царствующаго дома и спутался правильный порядокъ престолонаслѣдія. Съ рожденіемъ порфиророднаго младенца какъ будто возсіяла для Россіи надежда добрыхъ и свѣтлыхъ дней въ будущемъ,—надежда, на этотъ разъ не обманутая. Это общее предчувствіе довольно удачно выражено въ извѣстной одѣ Державина *на рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока*. И случилось такъ, что стихъ поэта: *будь на тронѣ человѣкъ!* сдѣлался закономъ всей дѣятельности Александра.

Человѣкъ на тронѣ съ раннихъ лѣтъ дѣтства вырабатывался въ Александрѣ подъ двойнымъ вліяніемъ—положительнымъ и отрицательнымъ.

Положительное вліяніе почти всецѣло принадлежитъ его воспитателю швейцарцу Лагарпу. *Безъ Лагарпа не было бы Александра*, говорилъ впослѣдствіи самъ Александръ. *Лагарпа я люблю и почитаю, какъ только благодѣтеля любить и чтить возможно.*

Конечно въ настоящее время трудно изобразить въ полной мѣрѣ воспитательное вліяніе честнаго швейцарца, къ которому Александръ привязался со всѣмъ жаромъ дѣтской души. Тайна этого вліянія безспорно заключалась въ личности Лагарпа, но о характерѣ этого вліянія мы можемъ составить себѣ ясное представленіе по рукописнымъ урокамъ Лагарпа, сохранившимся къ счастью до настоящаго времени.

«Будущій правитель—разсуждалъ Лагарпъ—не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ»... А какая наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторія? «Всякій гражданинъ, желающій приносить пользу своей странѣ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучать исторію. Тѣмъ болѣе эта обязанность лежитъ на будущемъ правителѣ».

Но такъ какъ исторія можетъ давать самыя разнообразныя поученія, то весьма важно отмѣтить Лагарпову точку зрѣнія на исторію или преподаваемую имъ—какъ онъ называлъ—*философію*, подъ которою онъ понималъ *разумное сознаніе того, что ведетъ къ истинному счастію*, заклю-

чающемуся въ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Лагарпъ былъ республиканецъ. Но онъ не считалъ республику единственною, нормальною формою человѣческихъ обществъ. *Всякая форма правленія*—читаемъ въ урокахъ Лагарпа—*законна, если она возникла по свободному соглашенію народа и оправдана продолжительнымъ опытомъ.*— Республика даже не есть лучшая—при настоящемъ состояніи человѣчества—форма правленія. «Если бы существовала страна боговъ, она управлялась бы демократически, но такое совершенство не можетъ быть удѣломъ людей. На толпу полагаться нельзя: въ общей массѣ есть люди съ здравымъ смысломъ и добрыми намѣреніями, но весьма малая доля людей, дѣйствительно способныхъ руководить обществомъ,— огромное же большинство изъ рукъ вонъ плохо: ему нечего терять, а потому ему невозможно ввѣрить и общую судьбу гражданъ».

Лагарпъ не могъ идеализировать республики, потому что на практикѣ испыталъ неудобныя стороны республиканскаго устройства. «Я отъ всей души ненавижу демократію,—писалъ онъ,—потому что наблюдалъ ее очень близко и вполнѣ убѣдился въ ея несообразности съ началами свободы и справедливости: древняя исторія, обнаруживая въ пресловутыхъ аѳинскихъ демократахъ безжалостныхъ угнетателей народа, открыла мнѣ глаза и на современныхъ швейцарскихъ демократовъ, которые при одинаковости человѣческихъ страстей, представляютъ поразительное сходство съ своими древними первообразами».

Ясно понимая слабыя стороны республики, Лагарпъ не отрицалъ возможности своего рода достоинствъ и въ абсолютномъ монархизмѣ. «За неограниченной монархіей—раз-

суждалъ онъ,—надо признать два важныя преимущества: во 1-хъ она попадаетъ отъ времени до времени въ руки достойныхъ вождей; во 2-хъ исполнительная власть дѣйствуетъ съ большею скоростію, энергіею и рѣшительностію».

И вотъ, желая выработать въ своемъ питомцѣ человѣка, который воспользовался бы для блага людей всѣми правами самодержавной власти, и заблаговременно былъ застрахованъ отъ всѣхъ искушеній абсолютизма, Лагарпъ къ этой цѣли направилъ свои морально-политическія поученія.

Желая предохранить будущаго монарха отъ искушеній собственнаго самолюбія, Лагарпъ внушалъ между прочимъ слѣдующее: «на свѣтѣ не было бы самонадѣянныхъ гордецовъ, если бы люди чаще спрашивали себя: кто я? что́ я знаю? что хорошаго я сдѣлалъ? у одного ли только меня во всемъ мірѣ есть и умъ, и дарованія и заслуги? *Безразсудная гордость*—порокъ, который никогда не прощается правителямъ и можно привести рядъ земныхъ владыкъ, жестоко наказанныхъ тѣми, кого они презирали и оскорбляли. Калигула коня своего сдѣлалъ консуломъ, а шведскій король Карлъ XII осмѣлился угрожать сенату обѣщаніемъ прислать сапогъ свой въ качествѣ своего представителя; но кинжалъ убійцы отомстилъ за римлянъ, а пуля избавила Швецію отъ ея злосчастнаго властелина. Съ другой стороны посмотрите на Тита, на Траяна, который вручая мечь свой начальнику стражи, сказалъ: дѣйствуй имъ за меня, если буду поступать хорошо; обрати его противъ меня если стану поступать дурно».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лагарпъ считалъ долгомъ предостеречь своего царственнаго питомца и отъ вліянія придворныхъ льстецовъ. «Берегитесь»—внушалъ Лагарпъ, «людей своекорыстныхъ и ничтожныхъ, которые ради собственной

выгоды станутъ увѣрять васъ, что властители не одинаковаго происхожденія со всѣми смертными и потому свободны отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ родинѣ и къ человѣчеству. Ложно понятая слава влечетъ за собою множество бѣдъ. Соблазнительная картина суетной славы, представленная Людовику XIV злыми совѣтниками, наполнила его безразсудною гордостью и сдѣлала его бичемъ и ужасомъ нѣсколькихъ поколѣній. Продажное перо стихотворцевъ и литераторовъ превозносило его славу и увѣнчало его именемъ великаго. Но потомство отвергаетъ величіе въ человѣкѣ, приносившемъ десятки и сотни тысячъ подданныхъ въ жертву своимъ честолюбивымъ замысламъ и грабительскимъ войнамъ, изгнавшемъ изъ страны лучшую часть ея населенія и ставившемъ свой личный произволъ выше всякаго закона и требованій правосудія и справедливости.

Мертвые друзья т. е. творенія благородныхъ мыслителей прежняго времени надежнѣе для монарха, чѣмъ друзья живые, на честность и неподкупность которыхъ положиться никакъ нельзя. «Читайте и перечитывайте произведенія Цицерона,—внушалъ Лагарпъ. Они должны войти въ составъ вашей избранной библіотеки; гражданину, призванному къ великой общественной дѣятельности, некогда тратить время на чтеніе книгъ, въ которыхъ слабая доля истины затоплена цѣлымъ моремъ многословія; но ему необходимо читать произведенія, въ которыхъ ясно и вѣрно изображаются его обязанности, какъ человѣка и какъ гражданина. Не полагаясь на измѣнчивый и лицемѣрный голосъ окружающихъ, правитель народа долженъ искать вѣрныхъ друзей въ твореніяхъ великихъ писателей и въ безмолвной бесѣдѣ съ ними укрѣплять духъ и черпать познаніе жизни и людей». Лагарпъ особенно рекомендуетъ книгу Цицерона de officiis.

Живыхъ же друзей—по мнѣнію Лагарпа—у монарха не полагается. «Лучшій и можетъ быть единственный другъ правителя—говоритъ Лагарпъ—это сила его собственной разсудительности, съ помощію которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ». (Прочитавъ это мѣсто, имп. Екатерина слегка побранила Лагарпа, за то что онъ слишкомъ обижаетъ царей, ставя ихъ въ такое безотрадно одинокое положеніе).

Образцемъ частной жизни монарха Лагарпъ представляетъ Августа римскаго. «Повелитель могущественнѣйшей въ мірѣ монархіи не покидалъ своего прежняго скромнаго жилища, не держалъ многочисленной прислуги; въ общественныхъ собраніяхъ помѣщался съ прочими посѣтителями и неоднократно являлся также въ судъ то въ качествѣ свидѣтеля, то въ качествѣ адвоката». Затѣмъ слѣдуетъ у Лагарпа выходка противъ придворнаго этикета, который стѣсняетъ правителя, отнимаетъ у него время, разслабляетъ его душу.

Но кромѣ этихъ—такъ сказать—моральныхъ и отрицательныхъ поученій Лагарпъ извлекалъ изъ исторіи уроки положительные и политическіе. Любовь къ низшему сословію, уваженіе къ свободѣ человѣческой и любовь къ просвѣщенію—вотъ тѣ принципы, которые Лагарпъ хотѣлъ внѣдрить въ душу своего питомца. «Марій—говорилъ Лагарпъ,—былъ сынъ простаго крестьянина. Сословіе крестьянское самое неиспорченное и приносящее наиболѣе пользы; изъ него вышло наиболѣе великихъ людей. Никто не задаетъ себѣ труда позаботиться о его просвѣщеніи и оно обречено на невѣжество со всѣми его грубыми и необузданными порывами. Но по крайней мѣрѣ отдадимъ должное генію человѣка, который обязанъ всѣмъ единственно самому себѣ».

Уваженіе къ правамъ личности и свободы человѣческой Лагарпъ внушаетъ слѣдующими историческими справками.

«Побѣдителю въ родѣ Юлія Цезаря какой-то воръ сказалъ: «вся разница между мною и тобою та, что я ворую одинъ и по необходимости, а ты грабишь во главѣ многихъ тысячъ для собственнаго удовольствія и окруженъ льстецами, восхваляющими тебя за твои грабежи». Всегда бывали и есть низкіе люди, обвиняющіе покоренный неправдою народъ въ томъ, что онъ бунтуетъ и возмущается, стремясь разбить наложенныя на него оковы. Но если бы кто посильнѣй васъ похитилъ вашу собаку, а вы бы попытались возвратить ее, и васъ бы стали за это наказывать, нашли ли бы вы такой образъ дѣйствій справедливымъ? А именно такъ поступилъ съ галлами Юлій Цезарь, и у нихъ отняли не собаку, а вещь священную—свободу, которую не найти снова, если разъ потерять ее».—Таже мысль, еще съ бóльшею силою, приводится при разсказѣ о неудачныхъ возстаніяхъ гладіаторовъ. «Римъ съ обычнымъ своимъ счастьемъ восторжествовалъ въ домашней борьбѣ, но это была побѣда злаго и неправаго дѣла. Самый инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ, заставляетъ защищаться отъ нападеній. Пчела впускаетъ свое жало въ угрожающую ей руку, и муравей язвитъ попирающую его пяту. По какому же праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій?... Есть право законнаго сопротивленія и напрасно тираны стараются увѣрить человѣчество, что возставать противъ ихъ гнета есть будто бы преступленіе».

На мѣсто владычества грубой силы Лагарпъ вооружаетъ идеальнаго монарха духовнымъ владычествомъ, которое дается заботами о просвѣщеніи подданныхъ. «Предѣлъ безумныхъ

желаній деспотизма есть владычество надъ мыслями подданныхъ. Иначе думаетъ и дѣйствуетъ мудрый правитель. Онъ сознаетъ, что каковы бы ни были заблужденія и предразсудки народа, ихъ невозможно истребить насильственными мѣрами, и народъ отстаиваетъ съ несокрушимою стойкостію и упорствомъ все то, что привыкъ считать за истину. Какъ же слѣдуетъ поступать въ семъ случаѣ просвѣщенному правителю, проникнутому чувствомъ гражданина? Онъ долженъ дать свободу слова писателямъ, разоблачающимъ ложныя мнѣнія логическими доводами и неотразимою силою насмѣшки. Онъ долженъ пересоздать общественное воспитаніе и тѣмъ приготовить новыя поколѣнія съ инымъ образомъ мыслей, свободнымъ отъ предразсудковъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Только такимъ путемъ задуманное дѣло получитъ прочность и силу. Всякія же быстрыя, внезапныя и насильственныя мѣры бываютъ дѣйствительны только на самое короткое время и неминуемо влекутъ за собою народное неудовольствіе».

И все-таки начертавъ для Александра образъ идеальнаго монарха, Лагарпъ не счелъ нужнымъ скрыть своихъ убѣжденій относительно преимущества конституціонной монархіи предъ неограниченною. «Монархія ограниченная»,— разсуждалъ Лагарпъ, «не подвергаясь крайностямъ абсолютизма и республики, соединяетъ въ себѣ выгоды обоихъ, и потому она наиболѣе приближается къ идеалу государственнаго устройства».

О достоинствѣ Лагарпова воспитанія разсуждали различно. Крыловъ въ своей извѣстной баснѣ *о воспитаніи льва* орломъ старается образно доказать, что *львенокъ не тому, что надобно, учился*. Кажется нельзя согласиться

съ заключеніемъ баснописца. Напротивъ необходимо и полезно было, чтобы въ душѣ будущаго монарха былъ заложенъ твердый оплотъ противъ искушеній деспотизма. Что́-же касается до привычекъ и пріемовъ абсолютизма, то къ сожалѣнію усвоить ихъ никогда не поздно и особо учиться имъ нѣтъ надобности. Именно такъ оцѣнивала вліяніе Лагарпа И. Екатерина. Она просматривала его уроки, называла его въ шутку monsieur jacobin, но вмѣстѣ говорила: «будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ и этого мнѣ довольно; оставайтесь при моихъ внукахъ и ведите свое дѣло также хорошо, какъ вели до сихъ поръ».

Мы такъ долго остановились на урокахъ Лагарпа, потому что они опредѣлили собою всю положительную сторону убѣжденій Александра. Скромность въ частной жизни, заботы о просвѣщеніи, сочувствіе къ низшему классу, уваженіе правъ человѣчества въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни былъ низко поставленъ,—наконецъ предпочтеніе конституціонной формы правленія,—всѣ эти черты, такъ рѣзко выдѣлявшіе Александра изъ ряда другихъ вѣнценосцевъ служатъ непосредственнымъ выводомъ изъ посылокъ положенныхъ Лагарпомъ.

Но конечно и въ воспитательномъ вліяніи Лагарпа, какъ и во всякой человѣческой дѣятельности можно видѣть и пробѣлы и несовершенства. Пробѣломъ—который впослѣдствіи былъ восполненъ самимъ Александромъ,—можно назвать скудость и почти игнорированіе христіански-религіознаго элемента. Неблагопріятною же стороною Лагарпова вліянія можно назвать настойчивое предубѣжденіе противъ лицъ, окружающихъ монарха. Это предубѣжденіе, подкрѣпленное горькими опытами жизни, дало впослѣдствіи ту скрытность и подозри-

тельность, которыя составляли душевную болѣзнь Александра, особенно въ послѣдніе годы его царствованія.

Наряду съ положительнымъ вліяніемъ Лагарпа въ юные годы Александра стояло и другое вліяніе —отрицательное. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ видѣлъ предъ собою помпу пышнаго и распущеннаго двора Екатерины, разладъ отца и бабки, или стараго и молодаго двора,—былъ за тѣмъ свидѣтелемъ крутаго и непослѣдовательнаго правленія Павлова,—пріучился молчать и слагать въ сердцѣ своемъ, *какимъ быть не слѣдуетъ*. Молчаливое, затаенное въ душѣ, не могущее высказаться осужденіе обыкновенно содѣйствуетъ къ образованію окончательныхъ, безповоротныхъ убѣжденій противуположнаго характера. Такъ и теперь! Зрѣлище пышнаго и распущеннаго двора Екатерины, оцѣниваемое съ точки зрѣнія Лагарповыхъ идей,—заставило Александра вздыхать по прелестяхъ частной жизни. «Дворъ созданъ не для меня», писалъ юный Александръ къ В. П. Кочубею, «я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворной сценѣ. Сколько крови портится при видѣ всѣхъ низостей, совершаемыхъ ежеминутно для полученія какого нибудь отличія, за которое я не далъ бы мѣднаго гроша. Истинное несчастіе—находиться въ обществѣ такихъ людей. Словомъ: я сознаю, что не созданъ для такого мѣста, которое занимаю теперь и еще менѣе для того, которое предназначено мнѣ въ будущемъ; я далъ обѣтъ отдѣлаться отъ него тѣмъ или другимъ путемъ... Мой планъ такой, чтобы по отреченіи отъ этого труднаго поприща поселиться съ женой на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь своимъ счастіемъ въ кругу друзей и въ изученіи природы»..

Крутое безсистемное правленіе Павла, опредѣлявшееся случайнымъ настроеніемъ духа Государя, тяжелое и для правителя и для управляемыхъ,—возбудило въ Александрѣ предубѣжденіе противъ абсолютизма верховной власти и желаніе закона, равно непреложнаго и обязательнаго и для властителя и для подвластныхъ. Въ письмѣ къ Лагарпу онъ жаловался на тогдашнюю жизнь въ Петербургѣ, гдѣ капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному. Служебная дѣятельность при имп. Павлѣ, который ненавидѣлъ якобинство во всѣхъ его видахъ и причислялъ Лагарпа къ якобинцамъ,—дѣятельность въ товариществѣ съ Архаровымъ и Аракчеевымъ, конечно утвердила въ Александрѣ—высказываемое имъ еще прежде—отвращеніе отъ деспотизма во всѣхъ его видахъ.

Наступило роковое 11 марта 1801 г. и Александръ I является на престолѣ Всероссійскомъ. Быть можетъ отъ начала міра ни одинъ вѣнценосецъ не входилъ на престолъ съ такимъ уныніемъ, съ такимъ не желаніемъ, съ такою жгучею болью въ сердцѣ, какъ имп. Александръ. Онъ и безъ того тяготился полнотою ожидавшей его самодержавной власти; внезапная и поразительная смерть отца и предшественника довела это чувство до крайней степени. Есть положительныя извѣстія, что только усиленныя настоянія окружающихъ заставили Александра покориться своей судьбѣ, чтобы спасти отечество отъ анархіи.

Но радость друзей отечества быть можетъ превосходила еще ту печаль, какою на первыхъ порахъ былъ объятъ молодой монархъ. И замѣчательно, что какъ ни сдержанно велъ себя Александръ во все предшествовавшее царствова-

ніе, его гуманныя и либеральныя убѣжденія ни для кого не были тайною, и люди самые различные встрѣтили воцареніе Александра съ одинаковыми надеждами и привѣтствіями. «Я не поздравляю васъ съ тѣмъ,—писалъ Лагарпъ,—что вы сдѣлались властителемъ 36 милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не пустой призракъ и что глава народа есть его первый слуга». М. Платонъ былъ человѣкъ другаго покроя, чѣмъ Лагарпъ, но и онъ въ привѣтственной рѣчи на коронацію выражается въ томъ же смыслѣ и почти въ тѣхъ же словахъ,—и даже съ упоминаніемъ о правахъ человѣчества. «Предстанетъ предъ тобою и самое человѣчество въ первобытной своей и нагой простотѣ, безъ всякаго отличія по рожденію и происхожденію: взирай!—возопіетъ,—общій Отецъ, на права человѣчества. Мы равно всѣ чада твои. Никто не можетъ предъ тобою быти извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его». Въ народѣ вѣсть о воцареніи Александра произвела такой энтузіазмъ, что всѣ, знакомые и незнакомые, привѣтствовали другъ друга какъ въ день свѣтлаго праздника. Современникъ такъ описываетъ впечатлѣніе коронаціи: «въ лицѣ государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости: онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ: не страхъ внушали его взгляды кроткіе, привѣтливые, но безпредѣльную любовь, сочувствіе и готовность на самопожертвованіе». Каждый мысленно ободрялъ его: «смѣлѣе, смѣлѣе! вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума,—что проявленіе благотворнаго добра въ нравственной жизни также необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты

въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе, смѣлѣе—Богъ милостивъ—мы за тобой»!

(Продолженіе будетъ).

ДВА ПОУЧЕНІЯ ПОКОЙНАГО ПРОФЕССОРА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЯКОВА КОСЬМИЧА АМФИТЕАТРОВА.

Поученія покойнаго профессора кіевской дух. академіи Якова Косьмича Амфитеатрова «объ отношеніи церкви къ христіанамъ» и нѣсколько поученій его же, напечатанныхъ въ сборникѣ подъ названіемъ: «Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ» [1]), извѣстны всѣмъ любителямъ церковнаго краснорѣчія. Они выдержали нѣсколько изданій. Но кромѣ этихъ поученій, предназначенныхъ преимущественно для сельскихъ прихожанъ, Яковъ Косьмичъ, какъ профессоръ церковнаго краснорѣчія въ академіи, чаще другихъ профессоровъ говорилъ проповѣди съ братской церковной каѳедры. Не смотря на невзрачность проповѣдника, нѣсколько хриплый голосъ и угловатыя тѣлодвиженія, кіевская публика съ восторгомъ слушала его проповѣди, потому что содержаніе ихъ всегда было нежданно и ново, изложеніе искусно и своеобразно. Самъ Яковъ Косьмичъ, впрочемъ, не придавалъ большаго значенія своимъ проповѣдямъ. Онѣ были писаны имъ по заказу и притомъ совершенно неожиданному для него. Завтра нужно говорить проповѣдь, а се-

---

[1]) Въ этомъ сборникѣ первыя тринадцать поученій безспорно принадлежатъ Якову Косьмичу. Составители прочихъ поученій намъ неизвѣстны.

годня онъ получалъ оповѣщеніе отъ Иннокентія, чтобъ проповѣдь была готова къ слѣдующему дню. Студенты просятъ бывало у Якова Косьмича проповѣдей его для прочету. Проповѣдь переходила изъ рукъ въ руки и никогда почти не возвращалась къ своему автору. Я достовѣрно знаю, что у одного изъ моихъ товарищей по академіи Я. Делицына было болѣе десяти подлинныхъ проповѣдей Якова Косьмича. Но онъ давно уже умеръ, и гдѣ теперь тѣ проповѣди, трудно разыскать. А какая бы находка была для проповѣднической литературы, еслибы возможно было собрать всѣ проповѣди незабвеннаго профессора гомилетики! Приглашаемъ всѣхъ, у кого сохранились подлинники или списки проповѣдей Амфитеатрова прислать ихъ въ редакцію нашихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Намъ удалось недавно разъискать два поученія Якова Косьмича, сохранившіяся въ копіи у заслуженнаго профессора академіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Матвѣевича г. Бобровницкаго. Вотъ эти проповѣди:

I.

Поученіе на Рождество Христово.

Въ книгѣ числъ пишется: *бысть Духъ Божій на Валаамѣ, и воспріемъ притчи своя рече: коль добры домы твои Іакове, и скинія твоя Израилю! Яко страны осѣняющія, яко садіе при рѣкахъ, и яко скинія, юже водрузи Господь и яко кедры при водахъ* (Числ. 24. 5, 6).

Сію пророчественную притчу св. церковь примѣнила къ настоящему празднику своему,—къ рожденію Христа Спасителя міра, но желательно, чтобы и каждый изъ насъ примѣнилъ ее къ себѣ, чтобы каждый нашелъ въ ней изображеніе себя и своего торжествующаго духа. Ибо когда же

болѣе ощутить намъ въ себѣ духа Божія, если мы не ощутимъ Его нынѣ? Когда болѣе каждый изъ насъ долженъ воспріять притчи своя, дабы словомъ и дѣломъ прорекать великую милость Божію, если не теперь, не въ тотъ день, въ который Отецъ небесный даровалъ намъ столь великое благо, лучше и выше коего и Онъ Всемощный не можетъ уже даровать? Поистинѣ, братіе возлюбленные, нынѣ каждый христіанинъ долженъ бы сдѣлаться пророкомъ и провозвѣстникомъ дивныхъ дѣлъ Божіихъ,—по крайней мѣрѣ каждый обязанъ представить собою и въ себѣ такое же восхитительное зрѣлище, какое видимъ въ притчѣ Валаамовой. Не только домы, но и души наши должны быть чисты, добры и прекрасны, какъ домы Іакова, въ каждомъ изъ насъ должны нынѣ возникнуть и процвѣсти святыя мысли и желанія, какъ садіе при рѣкахъ, и яко кедры при водахъ; наши сердца, все существо наше должно преобразоваться въ скинію Божію или храмъ, который водружаетъ Господь. Для чего? Для того, чтобы Спаситель міра, родившійся отъ пресвятыя Дѣвы Маріи, въ каждомъ изъ насъ могъ родиться духовно, могъ вѣрою нашею вселиться въ сердца наша, и тамъ жить и дѣйствовать, какъ въ собственномъ храмѣ Своемъ.

Намъ извѣстно, братія святая, званія небеснаго причастницы, что Христосъ есть единая, истинная жизнь наша, и что въ комъ нѣтъ Христа, въ томъ нѣтъ и жизни, что онъ имя имать яко живъ, а мертвъ есть; слѣдовательно мы должны приготовить себя и устроиться такъ, чтобы въ насъ жилъ Животъ нашъ. Христосъ есть единая истинная слава наша,—итакъ ни о чемъ нынѣ не должны столько славиться, какъ о Христѣ Спасителѣ, никого столько славить, какъ Христа. Христосъ есть единое великое имя, о

немъже подобаетъ спастися; итакъ ни о чемъ не должны мы нынѣ столько бесѣдовать, какъ о Христѣ, Господѣ нашемъ. Христосъ есть весь любы; слѣдовательно ни къ чему столько не должна быть нынѣ устремлена душа наша, какъ къ одному Спасителю нашему. Христосъ есть весь желаніе; итакъ никакого инаго не должно быть желанія сердца нашего, кромѣ желанія Христа. Словомъ: одна мысль, одно чувство и одинъ предметъ нынѣ долженъ быть у всѣхъ насъ—Христосъ и Владыка нашъ.

Но былъ ли онъ до сей минуты Христомъ нашимъ? Ощутили ли мы дѣйствіе Духа Божія въ сердцахъ своихъ? Углубившись въ себя, найдемъ ли всю душу толико свѣтлою и чистою чтобы въ ней, какъ въ зеркалѣ видѣть образъ Христа, Искупителя нашего? Если найдемъ, то душа наша истинно празднуетъ нынѣ праздникъ Господень; тогда можно повторить объ насъ слова пророка: *блажени есмы, Израилю, яко угодная Богу намъ разумна суть*. Если же ничего не обрѣтемъ въ себѣ, кромѣ той же души, какую имѣли вчера и третьяго дни, души грѣшной, обремененной плотскими заботами, мыслями земными, чувствованіями житейскими, то должны искать Христа своего, потеряннаго въ душѣ нашей,—должны, хотя по временамъ, къ Нему обращать мысли и сердце свое съ пламенною молитвою, да пріидетъ и вселится въ насъ. Время есть, и Христосъ, Владыка нашъ, человѣколюбивъ. Грядущаго къ Нему онъ не изгоняетъ, въ какую бы пору кто ни пришелъ къ Нему. Онъ сердцемъ исповѣдуется въ правду, и даже одними устами исповѣдуется во спасеніе. Аминь.

Проповѣдь эта произнесена 25-го Декабря 1835 г. Въ слѣдующемъ 1836 году февраля 23 дня—произнесено было

Яковомъ Косьмичемъ поученіе при погребеніи ординарнаго профессора академіи Якова Ивановича Крышинскаго [1]). Вотъ оно:

II.

Поученіе надгробное.

Да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ... Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: иду ко Отцу (Іоан. XIV. 27, 28).

Такъ говорилъ Спаситель нашъ ученикамъ Своимъ въ трогательной, прощальной бесѣдѣ съ ними. Подобно всѣмъ людямъ, тоскующимъ при мысли о разлукѣ съ любимыми предметами,—и ученики Христовы скорбѣли и сокрушались, услышавъ о скоромъ отшествіи изъ міра Учителя, друга и Господа своего. Спаситель утѣшалъ ихъ и запрещалъ смущаться горестію: *да не смущается сердце ваше.... иду ко Отцу*.

Вѣруемъ, Господи, что слово Твое, сказанное о Себѣ, относится и ко всякому послѣдователю Твоему, скончевающемуся въ вѣрѣ и упованіи живота вѣчнаго. Чрезъ смерть и гробъ взошедши къ Отцу Своему, Ты для каждаго, умирающаго съ вѣрою въ Тебя, открылъ лоно Отца небеснаго. Въ смерти показалъ Ты намъ во-первыхъ убѣжище отъ суетной, земной жизни во гробѣ во-вторыхъ: убѣжище отъ смерти. Въ томъ и другомъ, въ третьихъ, переходъ къ нашему Отцу небесному и къ жизни вѣчной. *Не умираю, но иду ко Отцу*,—вотъ значеніе смерти и гроба христіанскаго и послѣднее слово умирающаго.

---

[1]) Яковъ Ивановичъ Крышинскій магистръ с.-петербургской дух. академіи. Съ 28 іюля 1821 года баккалавръ, а съ 10-го мая 1828 года ординарный профессоръ въ кіевской академіи, скончался 21 февр. 1836 года. Онъ преподавалъ всеобщую словесность.

Смерть есть убѣжище отъ жизни суетной, печальной и болѣзненной. Такъ, возлюбленные! истинной жизни давно не стало въ мірѣ, послѣднее бытіе человѣка на земли потеряно тамъ, гдѣ началось. Вмѣсто истинной жизни существуетъ одна жизнь мнимая, призракъ бытія, но не самое бытіе. Суета, крушеніе духа, болѣзнь тѣла, попеченіе о томъ, чего не можно имѣть, потеря того, что имѣлъ, безплодное желаніе жить, когда видимъ, что надобно умереть—вотъ книга бытія человѣческаго на земли. *Въ мірѣ скорбни будете*: это слово Спасителя вѣрно исполняется на каждомъ шагу жизни нашей. Развѣ не ежедневно видимъ слезы несчастныхъ? Развѣ вздохи сокрушенные не также часты, какъ дыханіе? Итакъ *лежитъ человѣку умрети*, чтобы спасти себя отъ волнъ житейскихъ, ежечасно воздвигаемыхъ напастей бурею. Одна смерть есть убѣжище отъ жизни, которой не суждено быть жизнію вѣчною.

Правда, мы любимъ жизнь земную, какова бы ни была наша доля. Но что изъ того? Мы любимъ и грѣхъ, который хуже всякой смерти, любимъ друзей измѣнчивыхъ, которые непрестанно обманываютъ насъ; любимъ то, что явно губитъ душу нашу,—да и самую жизнь свою для чего инаго любимъ, какъ не для того, что бы рано или поздно погубить ее? Напротивъ, никто изъ людей, вѣрно понимавшихъ истинное значеніе жизни настоящей, не былъ привязанъ къ ней. Лучшая и утѣшительнѣйшая мысль въ жизни благочестивыхъ—была мысль о смерти, ибо смерть служила для нихъ убѣжищемъ отъ грѣха и отъ соблазновъ житейскихъ. Посему они часто жаловались на продолженіе своей жизни. *Увы мнѣ*, говорилъ пророкъ и царь, которому, вѣроятно, ничего не доставало въ жизни, *увы мнѣ, яко пришелствіе мое на земли продолжися*. Прискорбно мнѣ, что

жизнь моя такъ долга! Хоть эта же самая жизнь, по слову писанія, легчае скоротечца отбѣгаетъ, какъ слѣдъ корабля по водамъ, или какъ пареніе птицы въ воздухѣ (Іов. 9. 25. 26).

Если бы и тебя, любезный братъ, о Господѣ почившій, сталъ кто нибудь призывать къ жизни, тобою покинутой,— ты, вѣрно, не пожелалъ бы возвратиться къ ней, ибо довольно испыталъ непостоянство и суету ея. Правда есть священныя узы, привязывающіе тебя къ земли, но теперь ты лучше насъ постигаешь, что эти узы не разрываются, а укрѣпляются смертію.

Гробъ есть убѣжище отъ смерти. Св. апостолъ Павелъ сказалъ о себѣ: *по вся дни умираю*. Это же самое и каждый изъ насъ можетъ сказать о себѣ самомъ. Земная жизнь наша дѣйствительно есть не иное что, какъ повседневная смерть. Вчера мы были не тѣ, какіе сегодня, завтра будемъ не то, что нынѣ. Каждая минута нашего существованія раждается изъ гроба предшествовавшихъ мгновеній; каждый возрастъ человѣческій возникаетъ изъ паденія и развалинъ другаго возраста. «На всякъ день отъемлется часть житія, говоритъ св. учитель, и въ то время, егда растемъ, жизни убываетъ и умаляется. Дѣтства лишихомся, потомъ малолѣтства, потомъ возраста мужескаго и проч. Что времени приходитъ,—погибаетъ, и сами воньже живемъ, днемъ со смертію пополамъ дѣлимся». Надъ всѣми нами исполняется слово писанія: *въ оньже аще день снѣси—смертію умреши*. Смерть нерѣдко вкушаетъ человѣкъ въ пищѣ и питіи; смерть вдыхаетъ онъ въ себя съ заразительнымъ воздухомъ. Смерть встрѣчаетъ его иногда на пути; она же часто ожидаетъ его въ домѣ и на ложѣ сна, которымъ успокоится отъ дневныхъ трудовъ и попеченій. Словомъ: куда ни поди, на что

ни посмотри,—вездѣ и во всемъ можешь видѣть, а иногда и не хотя, видишь или дѣйствительную смерть, или живой образъ ея. Итакъ одинъ гробъ есть убѣжище отъ смерти; ибо кто сокрылся въ немъ, тотъ уже не умираетъ болѣе; одна могила есть тотъ узкій путь, которымъ переходятъ отъ безчисленнаго множества земныхъ смертей къ одной вѣчно-живущей и всегда постоянной жизни.

Соломонъ сказалъ нѣкогда Семею: *созижди себѣ домъ во Іерусалимѣ, и сѣди тамо, и не исходи оттуда нѣкаможе.* Ибо если *ты выдешь, и прейдеши потокъ кедрскій: разумѣя разумѣй, яко смертію умреши* (3 Царств. 2, 36, 37.). Возлюбленный братъ, почившій о Господѣ! ты прешелъ потокъ жизни и создалъ себѣ неисходный домъ въ духовномъ Іерусалимѣ,—домъ безопасный отъ смерти. Напрасно вопіютъ къ тебѣ нынѣ: изыди оттуда; ты подобно Іоаву отвѣчаешь: *не изыду, но да здѣ вселюся* (—30), ибо смерть и гробъ послужили тебѣ убѣжищемъ въ лоно Отца небеснаго.

Бѣжалъ нѣкогда Іоавъ *въ скинію Господню, и ятся роговъ олтаревыхъ.* Зачѣмъ бѣжалъ? *Яко* убояхся отъ лица твоего,—говорилъ гнѣвному царю,—и *бѣжалъ ко Господу* (—28, 29). Вотъ точный образъ того бѣгства, которымъ человѣкъ спасается отъ земной жизни и отъ земной смерти, дабы въ небесной скиніи Божіей обрѣсти безсмертіе и почить въ распростертыхъ объятіяхъ Искупителя и Господа своего. Какъ бы мы ни представляли себѣ жизнь нашу, она всегда есть не столько покой и наслажденіе, сколько опасеніе и страхъ, который, подобно грозному владыкѣ, гонитъ людей съ поприща жизни въ могилу. Боится человѣкъ несчастій, и хочетъ убѣжать отъ лица ихъ; но куда убѣжать ему, кромѣ Господа, чрезъ смерть? Боится тѣлес-

ныхъ болѣзней, и желаетъ избѣгать ихъ: куда отъ нихъ спасется онъ, какъ не къ Богу своему чрезъ гробъ? Боится мученій совѣсти, не терпитъ туги сердечной, тяготится крушеніемъ духа, боится самаго себя и хочетъ убѣжать: куда, кромѣ Господа? Ибо только въ Богѣ человѣкъ можетъ обрѣсти себя самаго: *убояхся отъ лица твоего и бѣжахъ ко Господу*. Тяготитъ меня мое странничество въ мірѣ, мучительно мнѣ разлученіе съ небомъ, и потому *иду ко Отцу моему*. Таковы, по настоящему должны быть мысли и чувства христіанина въ разсужденіи смерти.

Итакъ, да не смущается сердце наше, когда видимъ жертвы смерти предъ собою. Если бы у насъ не было смерти, то не было бы и жизни, т. е. безсмертія. Если бы гробъ не захотѣлъ отворяться предъ нами; то мы вовсе не имѣли бы пути къ небу и никогда не возвратились бы въ свое отечество. Если бы смерть и гробъ были для насъ одно зло, и зло безполезное, то мы никогда не умирали бы; ибо премудрый и благій Создатель никогда не попустилъ бы намъ такого зла. Но теперь мы видимъ, что всѣ родятся на то, чтобы умереть, всѣ живутъ и суетятся только о томъ, чтобъ имѣть себѣ пріютъ въ гробѣ. Вся земля усѣяна костями мертвыхъ, какъ поле пшеницею; живые не находятъ мѣста—гдѣ бы ступить безъ того, что бы ногою не потревожить праха почившихъ. Что это значить? Значитъ, что нашъ Отецъ небесный желаетъ всѣхъ насъ имѣть при Себѣ и съ Собою

Паче же да не смущается, ни устрашается нынѣ сердце тѣхъ, кои въ усопшемъ нынѣ братѣ и сотрудникѣ нашемъ лишились лучшаго друга, нѣжнаго отца и надежнѣйшей опоры жизни. Разлученіе прискорбно для оставшихся; но смерть успокоила усопшаго, который много страдалъ и бо-

лѣзновалъ. Потеря велика, невознаградима для живыхъ; но она пріобрѣтеніе для умершаго. *Аще бысте любили Мя*, говоритъ Спаситель, *возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: иду ко Отцу*. Если и теперь живые любятъ усопшаго, то имъ не должно паче мѣры сокрушаться. Онъ отшелъ къ Отцу небесному, но не унесъ съ собою любви къ живымъ; ибо смерть не расторгаетъ узъ ея: истинная любовь сама крѣпка яко смерть; у нея нѣтъ различія между живыми и мертвыми. Аминь.

К. Д.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЦЕРКВИ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЗА XVI—XVIII СТОЛ.

(Продолженіе) [1].

Вскорѣ послѣ изданія Апологіи, не знаю почему и для какой цѣли, поѣхалъ Смотрицкій въ Кіевъ [2]), гдѣ частію

---

[1]) См. № 21-й „кіев. епарх. вѣд.“.

[2]) *Примѣч. переводч.* О причинахъ, побудившихъ Мелетія Смотрицкаго ѣхать въ Кіевъ, онъ сообщаетъ въ своей *Протестаціи*, которую Вишневскій, кажется, не имѣлъ подъ руками, хотя ниже и упоминаетъ о ней. Здѣсь говорится, что на 8-е сентября 1627 г. въ Кіевѣ созванъ былъ помѣстный соборъ, куда прибылъ и Смотрицкій. Здѣсь Іовъ Борецкій и Могила предложили Мелетію подвергнуть составленный имъ катехизисъ (Смотрицкій цѣлію своей поѣздки на Востокъ, выставлялъ, главнымъ образомъ, исправленіе подъ руководствомъ восточныхъ патріарховъ составляемаго имъ катехизиса) цензурѣ духовныхъ лицъ. Смотрицкій соглашался на это, но испрашивалъ позволенія предварительно издать свои разсужденія о разностяхъ между церквами восточной и западною, что, по его словамъ, было необходимо въ тѣхъ видахъ, дабы облегчить цен-

посредствомъ увѣщаній, а частію и насильственными мѣрами митрополитъ Петръ Могила склонилъ его къ отреченію отъ уніи. При этомъ едва было не дошло до пролитія крови.

зурѣ чтеніе самаго катехизиса. Просьба Мелетія была уважена. На этомъ соборѣ разсуждали также о мѣрахъ къ примиренію съ уніатами.—Спустя полгода послѣ означеннаго собора, для болѣе всесторонняго обсужденія вопроса о сближеніи съ уніатами, Іовъ Борецкій назначилъ на шестой недѣлѣ великаго поста соборъ въ Гродекѣ (на Волыни). Къ назначенному времени сюда прибыли слѣдующіе іерархи: Смотрицкій, Іовъ Борецкій, Петръ Могила и Исаакій Борисковичъ. Болѣе всѣхъ ораторствовалъ на соборѣ Мелетій Смотрицкій. Онъ доказывалъ, что разности между церквами восточною и западною незначительны, но что, не смотря на единство вѣры между сими церквами, первая изъ нихъ заражена страшною болѣзнію—не признаніемъ главенства римскаго папы, и что единственное средство противъ этого зла состоитъ въ соединеніи съ римскою церковію. По свидѣтельству Смотрицкаго, Іовъ Борецкій и Петръ Могила поручили изложить ему свои мысли о разностяхъ между православіемъ и уніею письменно. *Considerationae* эти предложено было издать въ свѣтъ и, расчитывая на успѣшное ихъ дѣйствіе, созвать въ томъ же 1628 году соборъ изъ духовныхъ и мірянъ западно-русской православной церкви, и на этомъ соборѣ постановить окончательное рѣшеніе по поводу религіознаго соглашенія *Руси съ Русью*, т. е. унитовъ съ не унитами (Protestacya, стр. 2—3.

Въ примѣчаніяхъ Вишневскій приводитъ слѣдующія выдержки изъ сочиненій Смотрицкаго, касающіяся кіевскаго собора 1628 года:

«Мнѣ на кіевскомъ соборѣ (говоритъ Мелетій) нѣкоторые изъ вашихъ (православныхъ) передовыхъ людей выставляли на видъ, что та сторона, къ которой я стремлюсь посадитъ меня ниже, чѣмъ я сижу у васъ; что изъ архіепископа меня сдѣлаютъ епископомъ и то какимъ-нибудь

по крайней мѣрѣ, такъ утверждаетъ іезуитъ Рутка, ссылаясь на свидѣтельство самаго Смотрицкаго. Какъ бы то ни было, на православномъ соборѣ въ Кіевѣ Смотрицкій

очень незначительнымъ (iakiegoś ratchego tytułu), вслѣдствіе чего я въ церкви русскаго народа долженъ буду понизиться, а не повыситься». (Paraenesis стр. 23).

«Обращаю вниманіе на то, что *станъ духовный восточнаго православія* въ своей *Погибели* несправедливо лишаетъ духовной власти своихъ епископовъ и старшихъ и незаконно приписываетъ свѣтскимъ людямъ первенство въ дѣлахъ церковныхъ. Въ примѣръ извращенной передачи фактовъ, я укажу на то, что *причина пріѣзда нашего въ Кіевъ на соборъ* указывается не та, которая высказана была нами въ Городкѣ, имѣніи печерскаго монастыря; такъ здѣсь выставляются такія побужденія моего пріѣзда въ Кіевъ, о которыхъ я никогда и не думалъ. Мои слова подтверждаютъ письма, которыя я получалъ отъ разныхъ особъ русскаго народа за нѣсколько недѣль до начала сейма, предъ его окончаніемъ и выходомъ въ свѣтъ конституціи; въ этихъ письмахъ я приглашался на соборъ. Обращаю вниманіе на второе извращеніе въ Погибели: здѣсь говорится, что я за свою Апологію былъ заподозрѣнъ и признанъ мудрствующимъ противное восточному православію. Богъ отпуститъ этимъ суетнымъ людямъ, что они не хотятъ понять такихъ явныхъ вещей (Paraenesis, стр. 8).

«Я послалъ Апологію первоначально своимъ *церковникамъ* (разумѣются Борецкій и Могила), которые обѣщались отослать мнѣ ее въ скоромъ времени, чего однако не исполнили, удерживая у себя мое сочиненіе цѣлыхъ семь недѣль; это сдѣлано ими съ умысломъ: они таили сочиненіе, чтобы по пріѣздѣ моемъ на меня, не знающаго объ ихъ коварствѣ и ничего дурнаго въ нихъ не подозрѣвающаго, напасть и сдѣлать

свою Апологію проклялъ, топталъ ее ногами и разорванные листы кидалъ въ огонь,—подробности, о которыхъ его біографъ *Суша* умалчиваетъ [1]). Что отреченіе Смотрицкаго

то, что послужило бы не только къ моему вреду, но и ко вреду всей церкви ихъ исповѣданія; это они исполнили такими злостными способами, которые отнюдь не пристойны служителямъ Бога и добрымъ церковникамъ» (Paraenesis стр. 9).

И въ другомъ мѣстѣ: «то, что случилось со мною въ Кіевѣ вслѣдствіе злостныхъ мѣръ собора, передается людямъ въ иномъ видѣ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ».

Затѣмъ Смотрицкій сожалѣетъ, что не принялъ мученической кончины на означенномъ соборѣ: «на томъ прошедшемъ кіевскомъ соборишкѣ мнѣ слѣдовало бы душу свою положить..... о чемъ я сожалѣю».

«Тамъ (въ Кіевѣ) не было собора, имѣющаго въ виду изслѣдованія истины: тамъ не было собесѣдованій, посредствомъ которыхъ по частямъ было бы разсмотрѣно и обслѣдовано мое сочиненіе. Соборъ все осудилъ, вслѣдствіе мнѣнія двухъ лицъ, если только не одного, и то постоянно пьянаго». (Paraenesis).

[1]) *Примѣч. переводч.* Процессія анаѳематствованія происходила въ день Успенія Богородицы въ большой лаврской церкви. На литургіи, по прочтеніи евангелія, духовные члены собора вышли изъ олтаря и стали около амвона. Петръ Могила раздалъ имъ листы Апологіи и зажженныя свѣчи. Смотрицкій въ архіерейскомъ облаченіи взошелъ на амвонъ и прочиталъ подписанный имъ и скрѣпленный его печатью актъ отреченія. При слѣдующихъ словахъ акта: *въ доказательство моего раскаянія я предъ глазами всѣхъ вашихъ милостей подвергаю позору это мое сочиненіе, названное Апологіей, рву его и подъ ноги мои*

было неискреннее, вынужденное обстоятельствами,—объ этомъ мы имѣемъ собственное его свидѣтельство, достовѣрность котораго подтверждается послѣдующею жизнію Мелетія. Из-

---

бросаю,—Смотрицкій, а за нимъ всѣ члены собора, загасили свѣчи, разорвали находившіеся въ ихъ рукахъ листы Апологіи и топтали ихъ ногами.

Полный текстъ акта, помѣщеннаго въ Аполліи Апологіи читается слѣдующимъ образомъ: «Я Мелетій Смотрицкій милостію Божіею Архіепископъ Полоцкій, бывши взятый отъ всея церкве нашей Руской въ подозрене отступства отъ Вѣры Православной Греческой Соборной Церкве Въсточной: А выйстьемъ подъ именемъ моимъ зъ друку выданой Апологіею отитулованой книжки, еще барзѣй въ тогожъ отступства подойзрене поданой презъ сее мое оголошене всей церкви моей Руской черезъ милость вашу притомныхъ на сесь часъ въ Святой Обители Печерской и въ храмѣ семъ святомъ Пречистой Дѣвы Богородицы Оусненія посвяченномъ до вѣдомости доношу: ижъ зъ части нѣкоторой таковому отъ Православныхъ догматъ облуженю самъ подлегаю, зъ болшей еднакъ части тое такое облужене сталоеся быти признаваю зъ своволного домыслу особы той, которой тая Апологіа языкомъ Полскимъ зъ друку быти выдана была отъ мене повѣрена: мезновите зе злого умыслу Касіана Саковича въ монастыру Дубенскомъ Преображенія Господня старшенствуючаго. Которое не осторожное облуженеся, такъ иле до самого моего погрешенія, якъ и иле до шкодливого повѣреня противно Православнымъ Въсточной Церкве Догматомъ быти познавши, и признавши: милостива быти погрѣшенію моему Господа Бога умоляю, а всей Церкви моей Руской тогожъ Добротливого Бога моего доброволне обецую, же южъ на потомъ всею душею моею выстерегатися того хо-

вѣстно, что Смотрицкій тотчасъ же послѣ кіевскаго собора опять перешелъ на сторону уніи и оставался жаркимъ ея приверженцемъ до самаго конца своей жизни. Въ *Paraenesis*'ѣ Смотрицкій приводитъ нѣсколько очень любопытныхъ данныхъ относитетьно взгляда православныхъ на его отступленіе отъ нихъ. «Весь народъ русскій, говоритъ Мелетій, удивляется, что я хвалю унію и забочусь о ней; нѣкоторыя знатныя лица изъ среды васъ (православныхъ) пишутъ мнѣ, что они скорѣе ожидали бы своей смерти, чѣмъ означенной перемѣны во мнѣ. И одни приписываютъ мнѣ корыстолюбіе (łakomstwo), говорятъ, что я сдѣлалъ это раци Дерманя; другіе указываютъ на гордость, утверждая, что я учинилъ это, дабы выдвинуться въ качествѣ дѣятеля изъ среды своего народа; третьи подыскиваютъ еще иныя причины, заявляя, что я на старости лѣтъ безъ стыда отступилъ отъ своей вѣры и церкви и, все свое истребивши, погнался за свѣтомъ. Прежде этого времени—говорятъ—не зналъ во что вѣрилъ, *а теперь Дерманъ научилъ его вѣрѣ*. Я же со спокойною совѣстію передъ Всевидящимъ Богомъ говорю, что во мнѣ нѣтъ никакого лукавства: нѣтъ ни алч-

---

чу, даючи въ сей святой Церкви вѣдомость того моего жалованя презъ знакъ овый, же передъ очима милостій вашихъ всѣхъ той мой Апологіею названый скриптъ зневажаю, шарпаю и подъ ноги моѣ пометаю: подъ клятвою учиненною Господу Богу на онъ часъ кгдымъ былъ при Преосвященномъ Господинѣ моемъ и прочихъ Церкви нашей Росской Архіереахъ на Архіерейство отъ святѣйшаго Патріархи Іерусалимского Господина Отца Ѳеофана подъ послушенство Святѣйшаго Патріархи Константинопольскаго произвоженъ и рукополаганъ. Року 1628, Августа 14 дня.

ности, ни гордости; а равно отъ своей вѣры и церкви я не отступалъ. Что касается Дерманя, то его соблаговолилъ дать мнѣ Богъ по своей справедливости: онъ данъ былъ мнѣ въ то время, когда я, возвратившись изъ путешествія, за явное порицаніе ересей Зизанія, Филалета, Ортолога, Клирика и др., а также за привезенное мною отъ отца патріарха письмо, былъ разгнѣвавшимся на меня кіевопечерскимъ архимандритомъ (прежнимъ) подвергнутъ такому осужденію, что мнѣ не дозволено было имѣть мѣстопребыванія ни въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей. Притомъ Дермань въ то время, когда я отправлялся на Востокъ уже по милости Божіей расположеннымъ къ уніи, имѣлъ опредѣленнаго и здороваго настоятеля, при жизни котораго добиваться его мѣста у меня не было и въ помышленіи».

Послѣ кіевскаго собора, на которомъ проклята была Апологія Смотрицкаго, имъ издана была:

Protestacya przeciwko soborowi w Kiiowie obchodzonemu. Lwow. 1628 г, въ 4 д. л.

Противъ этого сочиненія православными издана была брошюра подъ заглавіемъ *Погибель* [1]), въ которой, по словамъ Смотрицкаго, *ложныя извѣстія выдаются за правду*.

Въ это время папа Урбанъ, желая окончательно укрѣпить въ Смотрицкомъ расположенность къ уніи, не только содѣйствовалъ ему своимъ вліяніемъ относительно полученія въ управленіе дерманскаго монастыря, но кромѣ того наименовалъ его *Архіепископомъ Іерапольскимъ* и въ особой грамотѣ восхвалилъ его приверженность къ римской

---

[1]) Брошюра *Погибель*, упоминаемая здѣсь, есть ни что иное, какъ *Аполлія Апологія*, которую Вишневскій,—что нами замѣчено выше,—не справедливо считаетъ *Апологіею* Смотрицкаго

Прим. перевод.

церкви. Эти милости, посыпавшіяся на Смотрицкаго, еще болѣе озлобили противъ него православныхъ [1]), такъ что, по свидѣтельству Мелетія, самая жизнь его находилась въ опасности.

Когда въ тотъ самомъ году, въ которомъ издана была Апологія (1628), виленское братство писало Смотрицкому, прося его, «чтобы онъ устранилъ родившееся относительно него подозрѣніе, такъ какъ одни считаютъ его *уніатомъ*, а другіе утверждаютъ, что онъ замышляетъ какія то новости и покушается разорвать Русь на три части»,—Мелетій отвѣчалъ на эти обвиненія первоначально посредствомъ письма, гдѣ говоритъ: «касательно меня не извольте безпокоиться, что я думаю *троить Русь*; напротивъ я искренно желаю и стараюсь, чтобы и раздвоенную Русь привести къ единенію»; а потомъ издалъ (въ опровержение означенныхъ нареканій) слѣдующее сочиненіе:

---

[1]) Измѣна Смотрицкаго праотцовской вѣрѣ дѣйствительно вызвала въ средѣ православныхъ сильное негодованіе противъ отступника. Въ 1875 году въ Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ (№ 17) помѣщенъ нами памфлетъ на Смотрицкаго, составленный православными вскорѣ послѣ его перехода въ унію, гдѣ о Мелетіѣ говорится, что онъ демонскому житію поревновалъ и свое благочестіе нивочтоже вмѣнилъ, что подобно Лютеру и Кальвину Богогульнымъ упился безбожія виномъ не отъ истиннаго плода лознаго, но отъ своего разума суемернаго, что уподобился Арію дѣломъ и словомъ и во всемъ исполнилъ волю отца своего сатаны и т. п., и что если не покается, часть его со Іудою предателемъ и злочестивыми еретики, благочестію сопротивлявшимися». *Примѣч. переводч.*

Paraenesis abo napomnienie od w Bogu Welebnego Melecyusza Smotryckiego rzeczonego Archiepiskopa Polockiego et caet.., do przezacnego bratstwa wilenskiego cerkwie s. Ducha, a w osobie iego do wszystkiego tey strony narodu ruskiego uczynione. Krakow. 1629.—На оборотѣ заглавнаго листа находится гербъ князя Александра Заславскаго и вирши къ нему; посвятительная предмова обращена къ тому же князю.

Въ этомъ произведеніи (на 60 стр.) Смотрицкій оправдывается отъ нареканій въ томъ, что въ душѣ не будучи ни уніатомъ, ни православнымъ, онъ замышляетъ вводить въ религіозные догматы нѣчто совершенно новое.

На 62 стр. находится слѣдующее предупрежденіе:

«При этомъ я посылаю къ В. М. для прочтенія копію своего письма, которое я въ прошломъ 1627 году, августа 23 дня, послалъ чрезъ пана Андрея Красинскаго, мѣщанина и купца львовскаго, къ его мил. отцу Кириллу, теперешнему константинопольскому патріарху; письмо это, какъ мнѣ извѣстно, дошло до патріарха спустя шесть недѣль послѣ вышепоказанной даты, между тѣмъ я и доселѣ не получалъ на него отвѣта. Послѣ этаго (salvo ejus honore) я дѣлаю то, что можетъ служить ко спасенію моей души и тѣхъ, которые слѣдовали моему примѣру въ этомъ дѣлѣ».

Далѣе (начиная съ 63 стр.) находится копія упомянутаго письма, которое помѣщено здѣсь въ переводѣ съ латинскаго языка на польскій.

Въ *Paraenesis*'ѣ Смотрицкій совѣтовалъ, чтобы русскіе, живущіе въ литовско-польскомъ государствѣ, избрали себѣ особаго патріарха. Вотъ его разсужденія относительно этаго предмета:

«Что потеряла Русь вслѣдствіе того, что означенные митрополиты (Семивлахъ и игуменъ Григорій) были посвя-

щены не константинопольскими патріархами, и даже противъ ихъ желанія,—и что южно-руссы повиновались митрополиту, постановленному папою? Развѣ это нанесло какой либо ущербъ русскому народу и православной вѣрѣ; развѣ повредило его правамъ и вольности? И въ настоящее время какой можетъ быть вредъ, когда ради чрезвычайно важныхъ и вполнѣ законныхъ причинъ Русь освободится отъ послушанія константинопольскимъ патріархамъ и, слѣдуя примѣру другихъ народовъ (московитянъ, сербовъ), изберетъ себѣ особаго архіепископа или патріарха?—Предполагаемое событіе не только не послужитъ ко вреду, но и принесетъ великіе и спасительные плоды: соединитъ русскій народъ съ католиками—поляками и литвинами въ вѣрѣ и любви и чрезъ это очиститъ его отъ заблужденій и ересей *Зизанієвъ* и другихъ тому подобныхъ писателей; устроитъ школы, воздвигнетъ семинаріи, снабдитъ церкви хорошими проповѣдниками и духовниками, внесетъ порядокъ въ монастыри, издастъ катехизисъ соединеннаго вѣроисповѣданія, исправитъ напѣвы и мелодіи, пересмотритъ церковныя книги и послѣ того издастъ ихъ въ свѣтъ, уничтожитъ не одобрительные обычаи и привычки духовенства и свѣтскихъ людей, и такимъ образомъ въ непродолжительное время представитъ русскую церковь, какъ по внутреннему виду, такъ и по наружному, въ такой красотѣ, какой она доселѣ никогда не имѣла. Я не упоминаю о правахъ, свободѣ и вольности какъ для духовныхъ, такъ и свѣтскихъ: чрезъ выполненіе моего совѣта отворятся (русскому народу) двери ко всѣмъ должностямъ и почетнымъ званіямъ, а также ко всегдашнему внутреннему спокойствію. Такимъ образомъ, пріобрѣтется полезное и для души и для тѣла» (стр. 32).

«Избраніе русскимъ народомъ, по примѣру другихъ

націй, особаго архіепископа или митрополита не только не принесетъ невзгодъ, но и будетъ весьма благотвортно какъ для души, такъ и для тѣла; потому что при домашнемъ церковномъ управителѣ соборы происходили бы пристойно, церковные недостатки восполнялись бы, и то, что представится полезнымъ и спасительнымъ для церкви, всесторонне, безъ всякой помѣхи обсуждалось бы и приводилось до желаемаго конца; и вскорѣ сдѣлалось бы то, что отъ избытка духовныхъ даровъ въ духовенствѣ восполнились бы недостанки и другихъ народовъ той же вѣры и языка. А то, въ настоящее время, имѣемъ ли мы *катехизисъ?* есть-ли у насъ *проповѣди?* есть-ли *житія святыхъ?* существуютъ ли у насъ духовныя, душеспасительныя *экзерциціи?*.. У насъ читаются труды еще прошлыхъ св. вѣковъ—читаются *Сборники*, читаются *Прологи*,—да и эти произведенія не понимаются какъ самыми чтецами, такъ и ихъ слушателями, и выходитъ, что означенные чтецы ко рту голодныхъ людей подносятъ вкусные куски, но не даютъ ихъ ѣсть, равно какъ и сами не способны сдѣлать этого. Но главная причина, побуждающая насъ заботиться объ избраніи особаго патріарха, состоитъ въ томъ, что часто пастріаршескій престолъ (въ Константинополѣ) занимаютъ святокупцы, каковъ напримѣръ былъ патріархъ, смѣстившій съ престола настоящаго и пославшій его въ заточеніе; занимаютъ и еретики, каковъ наприм., изъ числа многихъ другихъ и настоящій патріархъ, о которомъ такимъ образомъ отзываются не только въ Константинополѣ, но и повсюду».

Вслѣдствіе оффиціальнаго провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ, многія знатныя литовскія и южно-русскія фамиліи измѣнили православію и перешли въ литино-уніат-

скій лагерь. Смотрицкій съ большимъ злорадствомъ указываетъ на этотъ фактъ:

«Нѣкогда смотря на нераздѣльные домы князей, пановъ, шляхтичей, воеводъ, каштеляновъ, старостъ, державцевъ и урядниковъ другихъ придворныхъ и земскихъ должностей и почетныхъ званій, принадлежащихъ къ церкви твоего (православнаго) вѣроисповѣданія,—какъ можно было даже помыслить о таковомъ *умаленіи* ихъ (я не говорю объ совершенномъ уничтоженіи), которое ты видишь въ настоящее время!.. Теперь ты не досчитываешься у себя многихъ знатныхъ фамилій, многихъ видишь униженныхъ, многихъ раздѣленныхъ. Отцы, Русь—твоего вѣроисповѣданія, а сыновья и дочери—католики. Послѣ смерти отцевъ, что ты будешь дѣлать въ видахъ своего размноженія? Отцы вашего вѣроисповѣданія произвели для размноженія своей вѣры потомство; потомство приняло католичество; неужели вы надѣетесь, что дѣти сихъ потомковъ будутъ размножать вашу религію? Не ожидаю, ускользнули всѣ они изъ вашихъ рукъ».

Бранчивая полемика Смотрицкаго съ православными закончена была слѣдующимъ произведеніемъ съ его стороны:

Exaetesis albo Expostulatio, to iest rozprawa między Apologią y Antidotum, o ostatek błędów, herezyi y kłamstw *Zyzaniowych*, *Philaletowych*, *Orthologowych* y *Klerykowych*, uczyniona przez w Rogu Wielebnego *Melecyusza Smotryckiego* rzeczonego Archiepiskopa Polockiego, Episkopa Witebskiego y Mścislawskiego, Archimandrytę Wileńskiego y Dermańskiego, do oboiey strony narodu Ruskiego. A. D. 1629. Apl. 3. w monasterze Dermanskim *cum licentia superiorum*.—Второе изданіе вышло во Львовѣ. Книга посвящена кіевскому воеводѣ Александру съ Острога *Заславскому*.—Въ

произведенiи этомъ Смотрицкiй называетъ протопопа *Мужиловскаго*, автора *Антидота*,—«duszozgubnym Pharmakopeą».

Умеръ М. Смотрицкiй въ декабрѣ 1633 года, будучи отравленъ, какъ утверждаютъ латино-унiаты, человѣкомъ, подосланнымъ православными [1]). Бiографъ Смотрицкаго Суша

---

[1]) Послѣ смерти Смотрицкаго въ средѣ латино-унiатской ходила настойчивая молва объ отравленiи Мелетiя православными. Въ изданномъ нами *окружномъ посланiи унiатскаго митрополита Велiамина Рутскаго, извѣщающемъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ смерть М. Смотрицкаго* (Кiев. Епарх. Вѣд. 1877 г., № 3), относительно болѣзни Мелетiя читаемъ, между прочимъ слѣдующее: «Хороба его такая была: одинъ зацъный сенаторъ всѣмъ добре знаемый, едучи презъ Межиречъ, который подъ Острогомъ, вступилъ до отцовъ францѣшкановъ, тамже ксенъдцу Квардианови поведилъ, ижъ слышалъ отъ стороны противное, же отецъ Смотрицкiй въ короткомъ часе знесеный будетъ презъ трутизну (отраву) и просилъ его отца францѣшкана, жебы доехалъ до небощика и перестерeглъ его; снать же небожщикъ то не уважилъ. Кгды пришолъ до него дякъ одинъ с Кiева, который добрый характеръ въ писаню мелъ, а онъ такого писаря потребовалъ, принялъ его, былъ у него на покою, затымъ ускаржатися почалъ на слезену (bol sledziony—болѣзнь селезенки) першаго Августа по старому, ходилъ еднакъ и все отправовалъ яко и первей, хотяжъ отъ часу слазелъ; хотечи поратовати здорове свое до Острога поехалъ, а такъ тамъ слаземъ будучи бралъ лекарство презъ две недели; тымъ часомъ тотъ дякъ зникнолъ и не ведаютъ где естъ. По лекарствахъ далеко слабшимъ вернулъ се до монастыря, намовили его жебы для здоровья въ такой слабости будучи зажилъ чого мразного, а нѣ намовити а нѣ

говоритъ, что онъ приказалъ похоронить себя съ папскою грамотою, которая по смерти Мелетія, будучи вложена въ его руку, такъ крѣпко была сжата, что въ теченіи нѣсколькихъ дней нельзя было вынуть ея. На погребеніи Мелетія іезуитъ Войцѣхъ Кортисцій говорилъ проповѣдь, которая потомъ издана была подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Widok potyczki wygraney, zawodu dopędzonego, wiary dotrzymaney od przewielebnego w Christusie Meleciusza Smotryckiego Archiepiskopa Hierapolitańskiego, Archimandryty Dermańskiego, na iegoż pogrebie. Przed iasnie Przewielebnym Józefem Rutskim Metropolitą Kiiowskim, Przewielebnym Poczapowskim Episkopem Luckim, y wielu inszych duchownego y swieckiego stanu osób zacnych, z zalem powinnym w Cerkwi Derm. wystawiony d. 29. st. 1634. Wilno, in 4.

Въ сочиненіяхъ Смотрицкаго, писанныхъ по-польски, стиль простой, сильный, иногда, впрочемъ, темный и растянутый; слововыраженіе не польское, сильно отзывающееся устарѣлою славянщиною, вносить которую въ польскій языкъ

упросити не могли, а ужъ тежъ жадное речи не едалъ толко коливочки отъ сливокъ, або што иншого тому подобнаго и то рѣдко, а потомъ и тые ести не моглъ; ускаржалъсе же его палило внутръ и видела се быти Febus hectica, а жаденъ знакъ трвалъ, якобы готовымъ на смерть былъ».—Но наши лучшіе изслѣдователи по исторіи западно-русской церкви не довѣряютъ латино-уніатскому извѣстію объ отравленіи православными Мелетія Смотрицкаго, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что означенное извѣстіе пріурочено къ 1633 году, когда Смотрицкій много потерялъ изъ своего прежняго значенія и мало уже былъ опасенъ православнымъ (*Литов. Церков. Унія.* т. II, стр. 163—164). *Примѣч. переводч.*

въ 17 стол. не слѣдовало; къ такимъ словамъ должно отнести напр., слѣдующія: duszetracący, kąkol, Chrystonośce, bogolubce, prawosławce, krzywosłowce, łżelubce. Впрочемъ, между словами, взятыми изъ славянскаго языка, нѣкоторые образованы чрезвычайно удачно; таково. напр. слово—bogosłowiec вмѣсто teolog, и въ особенности слово—bogosłowić въ смыслѣ изучать богословіе, разсуждать о богословскихъ предметахъ.

(Продолженіе будетъ).

ревня Читнямъ; №№ 4) и 5) развалины Гичета; № 6) Желѣзная дорога къ дунайской гавани, гдѣ русскій небольшой гарнизонъ держался противъ 30,000 турецкой арміи. Премія эта разослана гг. подписчикамъ при 6-мъ № журн. 15-го ноября. Гг. желающіе имѣть эту премію безъ журнала могутъ получить ее съ перес. за *три* руб. въ редакціи, а также и въ книжн. магазинахъ. Кромѣ того 1-го января гг. подписчики получатъ еще вторую премію, состоящую изъ 12-ти художеств. литографированныхъ портретовъ русскихъ героевъ современной войны; эти портреты слѣдующіе: 1) г. Скобелевъ. 2) Гурко. 3) Тергукасовъ. 4) Обручевъ. 5) Драгомировъ. 6) Лазаревъ. 7) Радецкій. 8) Лорисъ-Меликовъ. 9) Тотлебенъ. 10) Дубасовъ. 11) Шестаковъ и 12) Гейманъ.

Съ 1-го сентября 1877 года журналъ вступилъ въ шестой годъ своего изданія по улучшенной программѣ и выходитъ 1-го и 15-го числа и заключаетъ въ себѣ до тысячи литографированныхъ рисунковъ въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья, и для всѣхъ ихъ прикладываются цѣльныя вырѣзныя и нарисованныя выкройки въ натуральную величину, изъ которыхъ дается до 300 вырѣзныхъ выкроекъ въ ростъ человѣка; рисунки эти берутся съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 слѣдующихъ самихъ лучшихъ французскихъ изданій: «Aquarelle-mode», «Elegance parisienne», «Mode artistique», «Moniteur de la mode», «Haute nouveauté de Paris», «Mode actuelle», «Lingère parisienne», «Bon ton», «Courrier de la mode», Gazette rase», «Dernière mode», «Printemps», «Modes parisiennes», «Journal de coiffeurs», «Mode françaisses», «Journal des dames et des demoiselles», «Mode de Paris или Illustrateur des dames» и спеціальный англійскій журналъ дѣтскихъ модъ «Boys and

Girls»; изъ всѣхъ этихъ изданій избираются только тѣ рисунки, которые болѣе соотвѣтствуютъ нашему сезону, такъ какъ многіе туалеты парижскихъ изданій не подходятъ къ условіямъ русской жизни. Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать полонезы или тюники и сколько идетъ аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ, а также назначена и цѣна его въ готовомъ видѣ. Кромѣ того дается: 12 картинъ, раскрашенныхъ акварелью, 12 листовъ приложеній съ цвѣтными рисунками всевозможныхъ рукодѣлій, а также рисунками въ русскомъ и малороссійскомъ стилѣ для вышивки рубашекъ, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, юбокъ, шторъ, драпри, кальсонъ, кофтъ и т. п. Дамское, дѣтское и мужское бѣлье будетъ помѣщено въ совершенно полномъ составѣ. Особенное вниманіе редакція обратитъ на выборъ приданнаго. Въ журналъ войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ, а также обратится особенное вниманіе на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи. При заказѣ редакція высылаетъ образчики новыхъ матерій, за пересылку которыхъ прилагаются двѣ марки по 8 к. Гг. подписчики могутъ выписывать отдѣльный патронъ любой вещи, по своей таліи, высылая для этого мѣрку по указанію нашихъ фигуръ; за каждый подобный патронъ платится 40 коп. съ пересылкою.

1-го числа помѣщается хозяйственный отдѣлъ, а 15—модная хроника.

Журнальный годъ считается съ 1-го сентября 1877 года по 1-е сентября 1878 года, потому что въ это время въ Парижѣ приготовляются всѣ новости на осенній и зимній сезонъ и по полученіи нашимъ торговымъ домомъ послѣднихъ моделей, редакція въ первыхъ семи №№ журнала

помѣстила всѣ новые рисунки съ моделей и къ нимъ приложила цѣльныя вырѣзн. выкройки въ ростъ человѣка.

Гг. годовые подписчики, вновь записавшiеся, получаютъ всѣ вышедшiе №№, т. е. съ 1-го сентября 1877 г. и съ двумя выше назначенными премiями.

Цѣна изданiя съ пересылкою и доставкою **за годъ семь рублей.**

№ 1-й журн. вышелъ 1-го сентября 1877 г.

Кромѣ того открыта подписка съ 1-го января 1878 г. и по 1-е сентября 1878 г., т. е. на 8 мѣсяцевъ, цѣна 5 руб. съ пересылкой, и гг. подписчики пользуются второй премiей изъ 12 портр., а первую премiю могутъ получить съ уступкой 60%, т. е. за 1 р. 20 коп. съ пересылкой.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакцiи: въ С.-Петербургѣ, Караванная, домъ № 18, въ бель-этажѣ, и въ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, у И. Г. Соловьева Стр. б., домъ Алексѣева. Подписка о 2-мъ изданiи «Модныя Выкройки» стоющемъ 3 р. 50 к. въ годъ см. въ будущемъ №.

ОБЪ ИЗДАНIИ ВЪ 1878 ГОДУ
НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ
„МIРСКОЕ СЛОВО".
ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Народная газета «Мiрское Слово», оканчивающая нынѣ четырнадцатый годъ своего существованiя, съ Божiею помощiю, будетъ издаваться и въ 1878 году, въ томъ же религiозно-нравственномъ и патрiотическомъ направленiи, въ какомъ издавалась она и доселѣ. Цѣль этой газеты, кромѣ ознакомленiя средняго и низшаго сословiй общества

съ касающимися ихъ правительственными распоряженіями,— доставлять русскому народу религіозно-воспитательное и нравственно-развивающее чтеніе, а затѣмъ сообщать ему и нужныя для него разныя свѣдѣнія, особанно полезныя въ хозяйственномъ и домашнемъ быту.

Подписная цѣна за 52 №№ (съ иллюстрированными статьями въ каждомъ) еженедѣльной народной газеты «Мірское Слово» на 1878 годъ, *три* рубля серебромъ, но для подписчиковъ «Странника»—*два* рубля (или за оба изданія— «Странникъ» и «Мірское слово», вмѣсто 8-ми *семь* руб.), съ пересылкою во всѣ почтовыя мѣста россійской имперіи, а также съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ.

Адресоваться: въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» и народной газеты «Мірское Слово», въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ-издатель священникъ *Сергій Протопоповъ*.

ОБЪ ИЗДАНІИ
СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1878 году.

Въ будущемъ году *Современныя Извѣстія* выйдутъ, какъ обыкновенно, въ количествѣ 360 №№, ежедневными выпусками (не исключая дней слѣдующихъ за воскресными и праздничными).

Програма прежняя: ежедневныя телеграммы, политическія и торговыя, руководящія статьи по важнѣйшимъ изъ текущихъ вопросовъ политическихъ и общественныхъ (не исключая церковныхъ, учебныхъ и художественныхъ; извѣстія о происходящемъ внутри и за границей, по возможности полныя; корреспонденціи изъ внутреннихъ городовъ

и тѣхъ мѣстъ за границей, куда событія направляютъ особенное вниманіе общества.

Съ направленіемъ *Современныхъ Извѣстій* минувшія десять лѣтъ достаточно ознакомили читателей; не безъ утѣшенія видимъ, что великими событіями, совершающимися и предстоящими, выдвинуты на первенствующее мѣсто политическіе взгляды, распространенію которыхъ мы служили болѣе всего.

Цѣна изданія:

На города: на 12 мѣс. 10 р., 11 м. 9 р. 25 к., 10 м. 8 р. 50 к., 9 м. 7 р. 75 к. 8 м. 7 р., 7 м. 6 р. 25 к., 6 м. 5 р. 50 к., 5 м. 4 р. 60 к., 4 м. 3 р. 70 к., 3 м. 2 р. 80 к., 2 м. 1 р. 90 к., 1 мѣсяцъ 1 руб.

Въ удовлетвореніе желаній, неоднократно заявленныхъ отъ иногороднихъ подписчиковъ, редакція *Современныхъ Извѣстій*, при главной своей конторѣ, учредила *Книжное Агентство*, со спеціальною цѣлью—удовлетворять иногородныя требованія по выпискѣ книгъ и періодическихъ изданій. Подписка принимается Книжнымъ Агентствомъ на всѣ выходящіе въ Россіи журналы и газеты. Книги, о выходѣ которыхъ въ свѣтъ публиковано или которыя значатся въ каталогахъ, будутъ, по требованію, высылаемы съ первою почтою. Требованія адресовать: въ *Книжное Агентство* при *Современныхъ Извѣстіяхъ* въ Москвѣ.

Издатель-редакторъ *Н. Гиляровъ-Платоновъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„ПЧЕЛА“

Русская Иллюстрація,

ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

50 номеровъ въ годъ, всего въ годъ 800 стран., кромѣ обертки, рисунковъ въ теченіи года до 400, три художественныя преміи и 24 художественныхъ приложенія.

Художественнымъ отдѣломъ завѣдуетъ профес. Академіи Художествъ и С.-Петербургскія Универ. А. В. Праховъ.

Отвѣтственный редакторъ и созидатель, художникъ М. О. Микѣшинъ.

Цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ 12 р. с., на полгода 7 р. с., безъ пересылки и доставки на годъ 10 р. с., на полгода 6 р. с.

Цѣна за границу: Въ Европу, Алжиръ, Египетъ, Сѣверн. Америку, Бразилію, Китай, Японію и Индію на годъ 15 р. с. Во всѣ остальныя мѣста, 20 р. с. Цѣна номера въ отдѣльной продажѣ 30 к. с., гг. иногородные прилагаютъ кромѣ того, на пересылку, марками 8 к. с.

Служащимъ въ присутственныхъ мѣстахъ допускается разсрочка съ уплатою чрезъ казначеевъ помѣсячно впередъ. Подписка съ разсрочкою принимается исключительно въ Редакціи.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Захарьевская улица, домъ № 7.

Подписныя деньги на 1878 г. Гг. иногородные, равно какъ и городскіе подписчики благоволятъ адресовать исключительно на имя Михаила Осиповича Микѣшина, въ Спб. Захарьевская д. № 7. Туда-же и на тоже имя просятъ адресовать: письма корреспонденціи, рукописи всякаго рода, рисунки, гравюры и все проч.

Редакція отвѣчаетъ только за то, что будетъ послано по вышеозначенному адресу.

Печатать дозволяется. 3-го Генваря 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.